

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ИННОВАЦИЯ»

Рассуждая о методологии экономической науки в «Общей теории занятости, процента и денег», Дж.М. Кейнс обратил внимание на ряд важных аспектов, одним из которых является «словоупотребление терминов»¹.

Итак, указывая на такую деталь как словоупотребление терминов, Кейнс разграничивал три варианта словоупотребления термина: 1) обычное или соответствующее здравому смыслу, 2) особое употребление термина и 3) традиционное для большинства экономистов². Смешивание этих вариантов словоупотреблений порождает путаницу и недопонимание экономистами друг друга. (Следует заметить, что речь идет не о происхождении термина как такового или его этимологии, а о *словоупотреблении* в рамках научного дискурса) Идеальной для Кейнса представлялась ситуация, когда и особое, и традиционное употребление термина согласуется со здравым смыслом, что обеспечивает и в определенном смысле гарантирует наилучшее взаимопонимание экономистами друг друга. История науки свидетельствует о том, что не всегда столь идеальное тождество имеет место быть. Современные же западные методологи считают нормой несовпадение здравого и научного смысла терминов и возводят это несоответствие в ранг методологических критериев, для разграничения общекультурного и научного текста (риторический фильтр у Д. МакКлоски). Далее, выделяя различия в трактовке терминов, последние рассматриваются как конструкты, определяющие суть разных экономических теорий.

Таким образом, то, что во времена Кейнса представлялось методологическим нюансом, в наше время стало одной из методологических сложностей, не только затрудняющих научное общение, но и «водоразделом» экономистов по разным научным

---

¹Обращение к авторитету Кейнса как одного из лучших западноевропейских экономистов XXв. является не случайным. Во-первых, потому, что 2008 г. исполняется 125 лет со дня его рождения. Во-вторых, теория Кейнса появилась тогда, когда инструментальный характер экономической науки становился преобладающим в экономических исследованиях, и его аргументы к обновлению классической теории и содержательно-критические посылки к ее дальнейшему совершенствованию практически не были услышаны, новизна его научных подходов была «размыта» его «инструментальными» последователями. В общеметодологическом смысле Кейнс не отказывался от традиционного подхода к экономической науке, настаивающей на единственности и универсальности трактовки предмета, метода и обобщающего характера видения мира¹

² Кейнс Д.М. Общая теория ... с.58,63,65

концепциям (парадигмам или научно-исследовательским программам), а далее, предполагающим разные практические действия в социальном смысле.

Несоответствие между тремя указанными словоупотреблениями можно проиллюстрировать следующими примерами.

Первый из них касается термина «мейнстрим», который в общекультурном смысле означает главное или основное течение. Но его вовлечение в экономический научный дискурс и использование имеет свою историю. Так в традиционно экономическом смысле до середины XX в. этот термин означает неоклассическое направление теории. Исторически как течение экономической мысли, неоклассика берет начало от маржиналистов последней трети XIX в., а термин «мейнстрим» впервые употребляется Т. Вебленом в ироническом ключе, т.е. в особом значении термина. (Серия статей Веблена под общим названием «Предрассудки экономической науки», опубликованных им в 1898 г., статьи посвящены критике неоклассики.) К середине XX в. ирония улетучилась, а к концу XX в. фактически исчез и сам «мейнстрим». Речь идет не о том, что исчезла неоклассическая теория, а о том, что не только неоклассика не занимает ведущего положения, но и никакой другой теории ведущее положение уже не принадлежит. «Мейнстрима» не стало. Признание отсутствия «мейнстрима» логически ведет к признанию «постмодерна», т.е. состояния, когда основное или главного исчезло. Поскольку большинство ныне здравствующих экономистов признают наличие трудно классифицируемого многообразия теорий, то вольно или невольно, они признают этот факт - «обобщающее видение мира отсутствует», попытка признать существование «мейнстрима» и «постмодерна» или отсутствие того и другого выходит за рамки логики.

Второй пример не менее показательный – это употребление термина «научный менеджмент»³. Известно, что употребление термина «научный менеджмент» связано с работой Тейлора «Принципы научного менеджмента» (1911), хотя сам термин «научный менеджмент» ввел не он, а его коллега Луис Д. Брайдес, которому было необходимо найти подходящую фразу для описания новых управленческих технологий Тейлора и его последователей, позволяющих повысить производительность труда в значительно большей степени, чем прежние приемы управления. Подыскивая аргументы в полемике с Международной торговой комиссией, он употребил термин «научный менеджмент» и, доказывая, что железные дороги могли бы сэкономить «млн. долл.», если бы только были применены методы научного менеджмента. Широко освещенные прессой слушания, начавшиеся в 1911 г. вызвали сенсацию и завоевали Тейлору высокую репутацию.

---

³ См. Классики теории государственного управления: американская школа./ Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайде. – М.: Изд-во МГУ, 2003, с.14-24

Парадоксально, но поначалу сам Тейлор был против этой фразы, т.к. она слишком академично звучала, но он быстро принял ее, как и все остальные, до 40-гг XXв. «научный менеджмент» – это менеджмент, направленный на повышение производительности труда - тейлоризм.

Появление исследований М. П. Фоллет, Э. Майо и др., ставших началом концепции менеджмента участия, управленческой школы человеческих отношений, высветили технократизм подходов Тейлора, а А. Маслоу подверг серьезной критики постулаты «научного» менеджмента о том, что рабочие это экономические животные, которым нужны только деньги, представил иерархию потребностей, где утверждал, что рабочие в той же мере социальные существа, как и все остальные.

В контексте этих новых теорий термин «научный» менеджмент приобретал ироническое звучание, а тейлоризм стал ассоциироваться с антинаучным направлением менеджмента, поскольку он, поднимая проблему соотношения затрат времени и движений, относился к людям как к машине или придатку машины. (Здесь уместно вспомнить В. И. Ленина, который критически оценил тейлоризм как «научную» систему выжимание пота⁴ более чем на двадцать лет раньше А. Маслоу.)

Лишь к концу XX века термин «научный менеджмент» обрел традиционный смысл, совпадающий с соответствующим общекультурным.

Теперь о словоупотреблении термина «инновация». Понять словоупотребление термина «инновация», вошедшего в моду для характеристики актуальных факторов развития России, и сменившего в этом статусе термин «глобализация» не просто, особенно во втором - «особом употреблении термина» и третьем - «традиционном для большинства экономистов» по Кейнсу смысле. Смешивание этих вариантов словоупотреблений, как было сказано, порождает путаницу и недопонимание.

Употребления термина «инновация» в современной экономической науке берет начала от шумпетерского предпринимателя, точнее, тех нововведений, которые осуществляет предприниматель, добываясь конкурентных преимуществ. Аналогом этого словоупотребления в советской экономической литературе было «внедрение достижений научно-технического прогресса в жизнь». Можно сказать, что это и было традиционное для экономистов словоупотребление.

Трудность или неоднозначность нынешнего восприятия словоупотребления термина «инновация» состоит в том, что разногласия «слышаться» не тогда, когда речь идет о прямом или явном употреблении, а при дихотомии сопоставлений терминов,

---

⁴ Ленин В.И. «Научная » система выжимания пота. ПСС., 5 изд., т..23, с. 18 и др.

используемых для разьяснения. Одни авторы противопоставляют «инновационное развитие» «имитационному», а другие «инерционному» развитию.

Если «имитация» - это повторение известного образца, то «инерция» - это сохранения сложившегося состояния (из школьной физики: инерция - это сохранение состояния покоя или прямолинейного и равномерного движения), в котором настолько велики внутренние силы, что внешние не могут оказать серьезного влияния.

Рассуждая «от обратного» следует признавать, что, противопоставляя «имитационное» «инновационному», последнее есть не просто «хорошо забытое старое», уже известный образец, модель, трафарет, а нечто такое, которого никогда, нигде не было. Проблема в таком случае состоит в том, если в России это «новое» и никому неизвестное, которое следует внедрять или, необходимо что-то предварительно предпринять государству (правительству), чтобы новое, «инновационное» стало появляться.

В этом смысле можно сказать, что исторический опыт однозначно показывает, что инновационное развитие возможно там, где общество в состоянии достойно в материальном смысле обеспечить жизнь людей, способных к инновационному, креативному мышлению. В современных обществах – это сферы образования и науки. Обеспечивать их можно двумя способами: 1) предоставить хорошие условия для всех членов общества и, тогда инновации будут результатом творчества масс; 2) через мобилизацию ресурсов и «мозгов», их внеэкономическое принуждение, под страхом смерти, через институт «шарашек», «почтовых ящиков», «закрытых городов» и пр. Но выбор способа – это императив политики, а не теории. Есть еще один исключительный вариант по принципу «голь на выдумки хитра». Главный недостаток которого состоит в его больших рисках несостоятельности.

Противопоставляя «инновационное» развитие «инерционному», следует исходить из того, что нечто внутренне присущее и не дающее воспринять новое, необходимо разрушить, чтобы прекратить инерционное движение. Проблема в том, что разрушить: коррупцию, пьянство, воровство, взяточничество или еще что-то? Найти «нечто», что не дает прогрессивно развиваться ни при какой системе, ни капитализме, ни социализме, найти то, что дискредитирует даже признанные мировой цивилизацией институты, такие как рынок, демократия, свобода, частная собственность, право – это самая важная и трудная проблема для России. Что мешает России применять или находить инструменты развития, которые бы позволяли воспроизводить социально приемлемые условия жизни в обществе, а не использовать большую часть общества для обеспечения хорошей жизни меньшей части общества?!

Таким образом, можно утверждать, что Россия нуждается в инновациях, способных обнаружить и разрушить потенциал сдерживания восприятия прогрессивных изменений. Это будут инновации актуальные для России, но не актуальных для современных цивилизованных стран и лишь затем можно будет вести речь о тех инновациях, которые актуальны для современной цивилизации в целом и понятны в традиционном и общекультурном смысле.

Как отмечал Людвиг фон Мизес: «Возникновение каждой новой идеи суть инновация; это добавляет нечто новое и прежде неизвестное к ходу мировых событий. Причина, по которой история не повторяется, состоит в том, что каждое историческое событие – это достижение цели действия идей, отличающихся от тех, которые действовали в других исторических состояниях»⁵.

Инновация как новая идея, воплощение которой преобразует исторические состояния общества. Видимо так или примерно так можно кратко обобщить толкование Мизеса и утверждать, что актуальные для России инновации - это все те идеи и, соответственно меры, которые позволят ей преодолеть только ей свойственные институционально-социальные недуги.

---

⁵ Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007.с. 201